

Кувшинов Феликс Владимирович

К АНАЛИЗУ МОТИВА "КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС" В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930-Х ГГ.

В статье анализируется мотив "квартирный вопрос", получивший распространение в русской литературе 1920-1930-х гг. в связи с нерешенностью жилищной проблемы в повседневной жизни СССР. Актуальность квартирного вопроса как бытовой реалии была зафиксирована еще дореволюционной литературой, однако после революции 1917 года эта проблема предельно обострилась и в литературе получила новое прочтение и репрезентацию в виде мотива, анализ которого обнаруживает его амбивалентный характер диахронически и в плане выражения в рамках оппозиции быт/Бытие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-1/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 105-107. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье анализируется мотив «квартирный вопрос», получивший распространение в русской литературе 1920-1930-х гг. в связи с нерешенностью жилищной проблемы в повседневной жизни СССР. Актуальность квартирного вопроса как бытовой реалии была зафиксирована еще дореволюционной литературой, однако после революции 1917 года эта проблема предельно обострилась и в литературе получила новое прочтение и репрезентацию в виде мотива, анализ которого обнаруживает его амбивалентный характер диахронически и в плане выражения в рамках оппозиции быт/Бытие.

Ключевые слова и фразы: мотив «квартирный вопрос»; бытовая реалья; оппозиция быт/Бытие; характеристика персонажа; отношение к жилищу; связь человека и дома.

Кувшинов Феликс Владимирович, к. филол. н.

*Липецкий институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права
fkuvshinov@yandex.ru*

К АНАЛИЗУ МОТИВА «КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930-Х ГГ. ©

Одной из существенных характеристик персонажа в художественном произведении является его отношение к жилищу, наличие жилья и формы его организации, которые отражают внутренний мир персонажа, его характер и мировосприятие, поскольку «основное место протекания повседневности в жизни людей представляет собой дом» [10, с. 50]. Не случайно исследователи говорят о связи человека и дома, который «олицетворяет целостный вещный мир человека» [14, с. 65] и является его «“малым” универсумом» [12, с. 46].

Традиционным воплощением жизненного пространства в литературе является дом, а в контексте поэтики города – квартира, которая перенимает у концепта «дом» основные его конституционные черты, такие как обособленность, индивидуальность, ухоженность, уют, укромность, защищенность, добротность, красота, сакральность и проч.

Исторические перверсии, связанные с революцией 1917 г., Гражданской войной и становлением нового государства (СССР), отразились не только на бытовой стороне жизни человека, но и на философии жилья, что было обусловлено не только экономической разрухой, но и попытками качественного изменения жизни народа, построенными на утопических проектах переустройства жизненного уклада на социалистических началах. В русской литературе периода 1920-30-х гг. эти изменения в области жилья получили свою репрезентацию в форме «квартирного вопроса», который так или иначе был затронут всеми литераторами рассматриваемой эпохи.

«Квартирный вопрос» стал одним из центральных мотивов в русской литературе 1920-30-х гг., отразил бытовые неурядицы жителей СССР указанного периода и получил многообразное воплощение в художественных произведениях русских писателей. При всей очевидности этого мотива, порой поднимающегося на уровень сюжетобразующей темы («Мандат» Н. Р. Эрдмана, «Зойкина квартира» М. А. Булгакова, «Общежитие» В. Я. Зазубрина, рассказы М. М. Зощенко, Д. И. Хармса и т.д.), он не стал предметом пристального и комплексного изучения. Вместе с тем при кажущейся простоте рассматриваемый мотив обнаруживает сложную внутреннюю структуру в плане его репрезентации. Трудности, возникающие при анализе этого мотива, обусловлены поливариативностью его реализации в художественных текстах и сложной системой коннотаций с группой сопутствующих мотивов («дом», «жилье», «быт», «бездомность» и т.д.). Задачей нашего исследования является анализ мотива «квартирный вопрос», во-первых, в аспекте диахронической динамики (обусловленной историческими подвижками в повседневной жизни СССР за ограниченный период времени), в рамках которой такой анализ выглядит целесообразным и методологически оправданным, а во-вторых, в контексте основополагающей оппозиции быт/Бытие.

Как реалья повседневной жизни квартирный вопрос стал фактом еще на рубеже XIX-XX вв., что сразу же нашло свое выражение в отечественной сатирической публицистике, заговорившей о «квартирном кризисе», «меблированном аде», «домовладельческом кризисе», «кочечно-каморочном вопросе» [4]. После событий 1917 г., потрясших Россию, квартирный вопрос остался нерешенным: он принял более уродливые формы (коммунальная квартира) и коснулся теперь всех слоев населения: не только рабочих, знакомых с барачным существованием [6, с. 182], но и представителей бывших привилегированных классов [7, с. 60] и интеллигенции.

Проблему «квартирного вопроса» в русской литературе следует рассматривать диахронически: необходимо учитывать, что в зависимости от изменений внутренней политической атмосферы в СССР 20-30-х гг. аксиологический аспект репрезентирующего эту проблему мотива менялся. В начале 20-х гг. изменения личного пространства человека являлись следствием разрухи и отражением попыток кардинальных изменений жизненного пространства вообще, когда целые города становились «игровыми площадками» «идеологов, архитекторов, планировщиков» [5, с. 27]. За утопическими и масштабными проектами часто «проглядывали» обывоченного человека, который был бы рад довольствоваться традиционными бытовыми удобствами, однако был их лишен, что оправдывалось борьбой с мещанством, бытовухой, пошлостью, немислимыми планами по строительству нового быта. В результате квартирный быт был «вывернут» наизнанку: вместо личного жизненного пространства появилось публичное (коммунальная квартира, коммуны, фабрики-кухни, общежития), вместо уюта появилось общее имущество, вместо атмосферы защищенности квартира наполнилась чувством опасности и страха (см., например, стихотворение О. Э. Мандельштама «Квартира тиха как бумага...»).

Напротив, к концу 30-х гг. личное (или, по крайней мере, благоустроенное) жилье перестало противоречить политическим установкам руководства страны, наоборот, стало необходимой составляющей мифа о том, что «жить стало лучше» [2], что новый советский быт устоялся. Трагикомизм ситуации заключался в том, что в какой-то степени создателями этого мифа были писатели, которые сами находились в весьма и весьма стесненных жилищных условиях [1, с. 112-128]. В итоге, личная квартира стала фетишем, одновременно и дававшим высокий социальный статус, и свидетельствующим о его наличии, а само понятие «жилье» получило несколько устойчивых форм-выражений (дом, квартира, коммунальная квартира, комната, общежитие, коммуна, детский дом).

Мотив «квартирный вопрос», ставший одной из форм репрезентации повседневной жизни СССР в литературе, был сложнее самой жилищной проблемы, которую можно сформулировать довольно просто – фактическое отсутствие нормального индивидуального жилья [5-8; 13; 15]. Это объясняется тем, что в литературе (в отличие от реальной жизни) рассматриваемый мотив, как правило, осложняется тематикой, пафосом, идеей произведения, философскими позициями писателя, его личным жизненным опытом и фантазией, а также сопутствующими мотивами. Однако можно говорить о двух магистральных планах выражения мотива «квартирный вопрос»: на уровне концепта «быт» и на уровне концепта «Бытие».

Если смысловое ядро произведения выстраивается вокруг концепта «Бытие», то мотив «квартирный вопрос» становится отрицательным коннотатом мотива «дом» или сразу же замещается мотивом «дом», для которого характерны положительные характеристики жилья (уют, теплота, семья и т.д.). В этом случае показательны образы «квартиры»/«дома» в творчестве И. А. Бунина, К. К. Вагинова, И. С. Шмелева, М. А. Булгакова, Л. И. Добычина. При этом тот же М. А. Булгаков чувствует разрушительные силы нового времени, безжалостно стирающего милое прошлое (подобный мотив является одним из центральных и в творчестве И. А. Бунина). Так, в «Белой гвардии» стираются надписи с изразцов турбинской печки (центр дома), и остаются пугающие своей двусмысленностью слова: «...Лен... я взял билет на Аид...» [3, с. 297].

С другой стороны, фактическая, т.е. бытовая, нерешенность квартирного вопроса русской литературой была принята в какой-то степени безболезненно, чему способствовали мотивы «странничества», «бездомья», «неприкаянности», «блудного сына», известные и постоянные в дореволюционной литературе и близкие рассматриваемой проблеме. «Квартирный вопрос», как и в случае с мотивом «дом», становился близким мотиву «бездомность», в основе которого лежит принцип странничества/духовности [11]: у кого нет дома (как у монаха нет имущества), тот свят. Неслучайно идейные персонажи, вроде Павки Корчагина или Дмитрия Векшина, идеологически близкие новой власти, с безразличием относятся к обустройству своего жилья.

Однако здесь необходимо избегать подмены понятий. Если присущая русской классической литературе идея опрощения связана с онтологическими поисками писателей, которые своих персонажей «уводили» из области благоустроенного быта в область духовной безытности, то в советское время безытность как победа духа над плотью была не причиной духовных поисков, а следствием банальной разрухи и непрофессионализма в организации жилья. В отличие от героев, например, А. П. Чехова, бегущих от поместья с крыжовником, простому советскому человеку бежать было не отчего и некуда, кроме как в ожидаемое будущее (не случайно именно в 20-е гг. мощное развитие получает отечественная фантастика, в том числе и детская). При этом не всегда будущее рисовалось как рай. Достаточно вспомнить мрачные предсказания Е. И. Замятина («Мы»), М. М. Козырева («Ленинград»), А. П. Платонова («Котлован»). Пафос «Котлована» – «идея коммунальной жизни» [9, с. 284]. Однако если понимать произведение как развернутую метафору, то котлован для «общепролетарского дома» воспринимается как «коммунальная» могила, образ которой становится пуантом финала повести.

На уровне концепта «быт» мотив «квартирный вопрос» воплощается в описании бытовых неурядиц человека новой России, трудностей, связанных с лишением дома привычных характеристик. Эти неурядицы могли носить комический характер (комната в общежитии из романа «Двенадцать стульев» И. А. Ильфа и Е. Петрова), сатирический (М. М. Зощенко), фатальный (общежитие из одноименной повести В. Я. Зазубрина), пугающий (миниатюра Д. И. Хармса «Помеха») или философский (С. Д. Кржижановский).

Таким образом, мы подходим к пониманию репрезентации квартирного вопроса в русской литературе 1920-1930-х гг. в форме мотива, одновременно реализующегося на разных уровнях, тем самым обнаруживающего амбивалентный характер своей структуры, в основе которой лежит основополагающая оппозиция «быт»/«Бытие», диахронически неоднородная в контексте повседневной жизни СССР рассматриваемого периода.

Список литературы

1. Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930-1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. 448 с.
2. Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 320 с.
3. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Голос, 1997. Т. 4. Белая гвардия. Дни Турбиных. Роман, пьесы. 672 с.
4. Васильева Г. М. «Квартирный вопрос» в романе Булгакова: история предполагаемого контекста // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 1. С. 123-132.
5. Герасимова К., Чуйкина С. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920-30-е годы. СПб.: журнал «Нева». 2000. С. 27-74.
6. Журавлев С. В. «Маленькие» люди и «большая» история: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 352 с.
7. Королёв С. А. Власть и повседневность: социально-философский взгляд // Россия и современный мир. 2008. № 3 (60). С. 49-73.
8. Кулакова И. П. История московского жилья. М.: ОГИ, 2006. 288 с.

9. **Маркштайн Э.** Дом и котлован, или Мнимая реализация утопии // Андрей Платонов: в 2-х кн. М.: Современный писатель, 1994. Кн. 2. С. 284-302.
10. **Махлина С. Т.** Семиотика культуры повседневности. М.: Алетейя, 2009. 232 с.
11. **Степанов Ю. С.** Концепт «духовного странничества» в России XIX и XX века // Русское подвижничество / сост. Т. Б. Князевская. М.: Наука, 1996. С. 29-43.
12. **Топоров В. Н.** Петербургский текст / Отделение историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2009. 820 с.
13. **Хлынина Т. П.** Жилое пространство и особенности его организации в советской России в 1920-1940-е гг. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013. № 1 (27). С. 61-70.
14. **Цивьян Т. В.** Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. Вып. 10. С. 65-85.
15. **Черных А. И.** Жилищный передел. Политика 20-х годов в сфере жилья // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 71-78.

ON THE ANALYSIS OF THE MOTIVE "THE HOUSING PROBLEM" IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 1920-1930S

Kuvshinov Feliks Vladimirovich, Ph. D. in Philology

Lipetsk Institute of Cooperation (Branch) of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
fkuvshinov@yandex.ru

The article analyses the motive "housing problem", which spread in the Russian literature of the 1920-1930s because of the unsolved housing problem in the everyday life of the USSR. The topicality of the housing problem as a household reality was fixed by the pre-revolution literature, however after the revolution of 1917 this problem extremely aggravated and it received a new interpretation and representation in the kind of motive, the analysis of which reveals its ambivalent nature diachronically and in terms of the expression in the framework of opposition way of life / existence.

Key words and phrases: the motive "the housing problem"; household reality; opposition way of life/existence; description of a character; attitude to the living quarters; the connection between a man and a house.

УДК 81'33

Филологические науки

Обосновывается необходимость использования специальным образом составленных корпусов текстов при разработке методик проведения идентификационной и диагностической автороведческой экспертизы. Приводится краткий анализ существующих корпусов текстов, используемых для построения методик идентификации и диагностирования личности автора текста. Описывается структура корпуса текстов на русском языке Personality, содержащего метаразметку в виде информации об их авторах, и анализируются возможности его применения для решения задач судебного автороведения.

Ключевые слова и фразы: автороведение; лингвистическая экспертиза; автороведческая экспертиза; корпус текстов; лингвистическая статистика; диагностирование личности автора текста; естественная письменная речь; атрибуция текста.

Литвинова Татьяна Александровна, к. филол. н.

Литвинова Ольга Александровна

Воронежский государственный педагогический университет
centr_rus_yaz@mail.ru; olga_litvinova_teacher@mail.ru

Диброва Елена Владимировна

Южный федеральный университет
alena_dibrova@bk.ru

Рыжкова Екатерина Сергеевна

Воронежский государственный университет инженерных технологий
ryzhkova.katerina@yandex.ru

КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ СУДЕБНОГО АВТОРОВЕДЕНИЯ®

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-36-50104 мол_нр «Формально-грамматические параметры письменного текста и индивидуально-личностные характеристики его автора: корпусное исследование», гранта РГНФ № 15-34-01221 «Детекция лжи в письменном тексте: корпусное исследование».

Установление личности человека является одной из главнейших задач, которым посвящена судебно-экспертная деятельность [6]. Хорошо известным видом криминалистической идентификации человека является идентификация личности по речи, проводимая в рамках почерковедческой и автороведческой экспертиз.